

# ОГОНЬКИ В ГЛУШИ

## Детское царство С.Т. Шацкого

### Дети, в школу собирайтесь!

Юрий Скаткин

Первого сентября начались занятия. Я разыскал четвёртую группу. В классе стояли обыкновенные столы и табуретки, на столах чернильницы-«непроливайки» и ручки с перьями, на которых красовалась крупная цифра «86».

Урок ещё не начинался. Я расположился за свободным столом. Рядом со мной молча уселась девочка.

— Давай знакомиться, — предложил я соседке, называя себя.

— Паня Сучкова, — ответила она, не глядя на меня.

— Опять Паня? — удивился я.

— Почему «опять»? — обернувшись, спросила она, — ты уже знаком с какой-нибудь Паней?

— А тебе завидно, что ли?

Она промолчала и отвернулась.

Паня, конечно, не подозревала, что её судьба решалась вместе с моей на том же совещании сотрудников. Только меня утвердили «живущим», а её «приходящей». Но эти различия не имели никакого значения для нашей жизни в колонии. Паня оказалась смешливой девочкой. Когда мы подружились, она как-то сказала, что в ней что-то заложено от природы, а что заложено, она и сама понять не может.

— Поживём — разберёмся, — успокоил я её. — Может, ты вундеркинд какой-нибудь...

Впереди нас уселась симпатичная Валя Меленчук, а рядом с ней — белобрысый, курносый Нольдик Клопман. Он немного картавил, не выговаривая букву «р».

А позади — два Ивана. Один, щупленький, Ваня Жучкин, второй, длинный и худой, Ваня Баранов, по прозвищу Пифагор.

Первый урок был русский язык. Его вела Евгения Михайловна Кадомская. Она была в белой кофточке с тёмным галстуком, в чёрной юбке. Волосы убраны в пучок. Весь её облик показывал, что это учительница. Когда она говорила, то кончик носа у неё шевелился.

Евгения Михайловна рассказала, что мы будем изучать в этом году по русскому языку и литературе, какие книжки нужно прочитать, чтобы на уроках заниматься только разборами произведений и поступков разных там героев.

В этот же день мы познакомились с преподавателем математики Павлом Алексеевичем Фаворским. У него не было одного глаза, и он, как Кутузов, носил чёрную повязку. Говорил он тихо, не повышая голоса. Необычным казалось то, что был он к тому же скрипачом. Его музыкальные способности пригодились, когда он возглавил струнный оркестр. Но это событие было ещё впереди.

А закончился учебный день двумя уроками труда в столярной мастерской, где девочки успешно осваивали столярное мастерство не хуже мальчиков.

Паня Сучкова после уроков деловито заявила:

— Ученье и труд всё перетрут.

Впереди у нас встречи с учителями физики и химии, немецкого языка и обществоведения.

### Во саду, не в огороде

Валентина Николаевна была права: так как я выбрал работу в саду, моя фамилия нарядчику стала не нужна. Теперь я сам относил ему заявки на помощников для наших работ.

Продолжение.

Начало в НО № 10.  
2007.



А первое моё знакомство с новой трудовой деятельностью началось так. Валентина Николаевна, сама принимавшая активное участие в работах садоводной комиссии, увидев меня, сказала обрадованно:

— Значит, Шура, ты выбрал сад. Это похвально. Здесь очень много интересной работы... Ляля! — обратилась она к черноглазой девочке с косичками. — Это наш новый труженик садоводной комиссии, Шура Сорокин, покажи, пожалуйста, ему наш сад.

Ляля вымыла в бочке с водой руки, вытерла их о фартук и, не глядя на меня, сказала:

— Подумаешь, какой иностранец объявился. Пошли, что ли. — Я молча последовал за Лялей.

— Это яблони, — махнула она рукой в сторону больших развесистых яблонь, увешанных спелыми яблоками. Яблоки висели так низко, что я не удержался и, пока Ляля важно шагала впереди, сорвал яблоко и с жадностью начал его откусывать.

— А это малина, — продолжала Ляля.

— Угу, — не раскрывая рта, прогугукал я.

— Малина занимает площадь в 1258 квадратных метров, — не глядя на меня, говорила Ляля тоненьким голосом, — из неё мы варим на зиму варенье.

— А на кашу она не годится? — выпалил я.

— Ты что, уже совсем? — покрутила Ляля пальцем у виска, оборачиваясь ко мне. Она провела меня до изгороди. Дальше был овраг. Мы повернули обратно. С правой стороны дорожки показались ряды грядок.

— Это клубничная плантация, а за ней — смородина и крыжовник. Понятно? — спросила Ляля, начиная сердиться.

— Ты очень понятно объясняешь. Что бы я делал без тебя, — похвалил я старательного экскурсовода.

— Слушай, иностранец, давай закругляться. Лучше пойдём за работу приниматься. Того гляди дождь пойдёт.

Я не стал возражать, и Ляля повела меня к девочкам, которые обрабатывали клубничные грядки. Девочки тут же объяснили мне, какую операцию с клубничными усами я должен совершать, и продолжили прерванную работу.

Я принялся за дело, но никак не мог найти подходящую почву для выполнения этого дела. То я присаживался, то вставал и пытался наклониться, то опускался на одно колено.

— Сорокин, у тебя живот заболел? — забеспокоилась Ляля.

— Не-е, никак не приспособлюсь.

Девочки проявили необыкновенную заботу, и я, облегчённо вздохнув, до конца работы сумел пройти не одну грядку.

Месяц спустя я не только приспособился к различным видам работ, но и обрёл кое-какие знания по садоводству: зачем у клубники необходимо усы отрывать, зачем щепу под малину таскать, для чего яблони окапывать и ещё много зачем и для чего.

С Лялей мы стали друзьями. А фамилия её была Журкина.

Одним из первых строителей советской школы 20–30-х годов XX века был выдающийся педагог-экспериментатор Станислав Теофилович Шацкий (1878–1934). Академик Академии педагогических наук СССР Н. Гончаров в статье, посвящённой 100-летию со дня рождения Шацкого, писал: «Глубокий мыслитель, блестящий экспериментатор и организатор, всегда призывающий понимать детей, уважать их, изучать закономерности их духовного и физического становления и развития, гуманист, оставивший богатое педагогическое наследие, — вот кем остался в истории педагогической мысли С.Т. Шацкий.

Имя его может быть с полным правом поставлено в один ряд с именами выдающихся реформаторов школы во всём мире.

Станислав Теофилович Шацкий родился 13 июня 1878 года в с. Воронине Духовщинского уезда Смоленской губернии в семье мелкого военного чиновника.

В 1881 году семья Шацких переехала в Москву. Окончив в 1896 году 6-ю Московскую гимназию, Шацкий поступает в Московский университет и одновременно учится пению в Московской консерватории. После окончания в 1902 году естественного отделения физико-математического факультета Шацкий поступает в Московский сельскохозяйственный институт, где обучается с 1903 по 1905 год. Но ни математиком, ни агрономом, ни певцом он не стал. Шацкий решил посвятить себя педагогике.

В юности он мечтал создать детское царство, где бы ребёнок трудился, соиздал, играл.

«Моё первое педагогическое дело, — писал Шацкий, — которое, собственно говоря, и можно считать началом моей педагогической деятельности, называлось «Сетлементом», т.е. посёлком культурных людей среди бедного населения (американская идея, пересаженная на русскую почву известным педагогом А.У. Зеленко). В этом деле я принял самое серьёзное участие и отдавал ему в течение многих лет все свои силы (Шацкий С.Т. Педагогич. соч.: В 4 т. М., 1962–1965. С. 55).

Летом 1905 года, собрав среди знакомых небольшую сумму денег и обзаведясь необходимыми предметами хозяйственного обихода, Шацкий и Зеленко вывезли в Щёлково (под Москвой) 14 ребят — воспитанников приюта. Так возникла Щёлковская колония с трудовым и художественным воспитанием и детским самоуправлением. Дружно и слаженно прошло



лето в колонии. Это окрылило её организаторов. Осенью 1905 года они вместе с другими педагогами-энтузиастами организовали первый в России клуб для детей и подростков в Бутырско-Марьинском районе Москвы. Среди педагогов была В.Н. Демьянова, которая в 1906 году стала женой С.Т. Шацкого (Валентина Николаевна окончила Московскую консерваторию по классу рояля).

К весне 1906 года клуб посещало около 120 детей, а летом в Щёлковскую колонию уже выехало 80 ребят. К сожалению, в мае 1908 года общество «Сетлемент» было закрыто за пропаганду социалистических идей. Но уже в феврале 1909 года С.Т. Шацкий работает во вновь организованном обществе «Детский труд и отдых».

В 1911 году член этого общества М.К. Морозова разрешила С.Т. Шацкому и его сотрудникам организовать на пустующем участке её имения в Калужской губернии детскую колонию, которая получила название «Бодрая жизнь». Колония была создана для организации летнего отдыха детей — членов Марьинского клуба. Одновременно ребят приобщали к труду и самоуправлению, развивали их творческие способности.

После 1917 года Шацкий, используя накопленный опыт, ведёт поиск новых форм и методов педагогической работы. В 1918 году он встречается с Н.К. Крупской, с которой впоследствии ему суждено было работать в Наркомпросе.

Придавая важное значение опытной работе, Шацкий в 1919 году создаёт Первую опытную станцию по народному образованию с двумя отделениями — городским в Москве и деревенским в Калужской губернии. В состав деревенского отделения входили четыре детских сада, 15 школ первой ступени, школа второй ступени, школа-коллония «Бодрая жизнь», бюро по изучению края, педагогические курсы, педагогический центр, обобщающий педагогический опыт школ. В составе московского отделения были детский сад, школа и выставка, обобщавшая опыт детских садов и школ. Опытная станция успешно решала проблемы трудового воспитания, формирования детского коллектива, самоуправления учащихся, физического воспитания школьников.

## Художник Гаврилов

С каждым днём моего пребывания в колонии я делал открытия. Не великие открытия каких-нибудь чёрных дыр на звёздном небе. Я открывал для себя на земной тверди вполне реальное, что до сих пор мне было совершенно неизвестно. Я, например, никогда не видел настоящего художника за работой. Я бывал в музеях, видел произведения великих мастеров. А как вершится это чудо? Каким надо обладать талантом, чтобы при помощи красок переносить на холст увиденное или задуманное?

И вот в один осенний прекрасный день я получил ответ на эти волнующие вопросы. Было воскресенье, и мы с Нольдиком решили побродить вокруг колонии. День выдался солнечным. Лес был расцвечен всевозможными красками. Мы шли по мелкому коврику из сухих опавших листьев и начали собирать шуршащие листья в кучу. Так дошли мы до оврага, который располагался за скотным двором.

У края оврага мы увидели фигуру человека рядом с каким-то сооружением, стоящим на трёх растопыренных ножках.

— Да это Гавгуша картину пишет! — воскликнул Нольдик. Мы подошли поближе. Нольдик познакомил меня с Алексеем Владимировичем. Мы извинились, что помешали ему рисовать. Он сказал, что ему даже нравится, когда смотрят, как он работает.

— Ведь я учитель рисования. Зачем же мне скрывать от учеников сам процесс рисования? Пусть смотрят на здоровье, — закончил Гавгуша и снова взялся за кисти.

Я обратил внимание на его необычный вид. На нём была широкая коричневая блуза. Волосы были длинные, подстриженные кружком. Был он немного курносый.

Перед ним на треножнике была укреплена рамка, обтянутая холстом. На холсте уже были нарисованы лес, дорога и овражек, и небо — зеленовато-голубое, такое же, как на самом деле. Гавгуша держал в левой руке фанерку, в которой для большого пальца было специально прорезано отверстие.

По краю фанерки, свернувшись червячками, лежали краски. Сбоку фанерки была прикреплена железная баночка, куда Гавгуша обмакивал кисть. Обмакнёт кисть, потом возьмёт какую-нибудь краску, одну, другую, всё это размешает и несёт на кончике кисти на холст. И вот, словно по волшебству, появляется берёзка, усыпанная жёлтыми листьями, или увешанная красными гроздьями рябина.

На траве, около треножника, я увидел ящичек с тюбиками красок.

Алексей Владимирович сделал ещё несколько мазков и положил фанерку и кисти на ящичек.

— Закурим, ребятки! — сказал он, доставая из одного кармана блузы трубку, а из другого кисет с табаком.

— Нам нельзя, мы ещё маленькие, — не поняв шутки, возразил я.



— Скажите, пожалуйста, какие сознательные, — усмехнулся Гавгуша.

— А вы ещё будете рисовать? — допрашивал я.

— Ты разве не видишь, что лес не нарисован, — прокартавил Нольдик, — пьавда, Гавгуша?

— Видите ли, ребятаки, — отвечал Алексей Владимирович, — художнику очень трудно определить, когда следует положить последний мазок. Ему всегда кажется, что необходимо что-то подправить.

Гавгуша докурил трубку, вытряс её и, положив в карман, снова взялся за кисти.

Я с любопытством следил за каждым движением руки художника, пока Гавгуша не сказал:

— Ну вот, теперь, кажется, всё на месте.

Он вытер о тряпочку кисти, положил их в ящичек, сложил треножник и попросил нас донести всё это хозяйство до мастерской.

— Ты, Нольдик, бери этюдник, я понесу этюд, а малышу доверим мольберт.

Так я узнал названия всех художественных атрибутов. Мы благополучно добрались до мастерской, и Гавгуша поблагодарил нас и каждый предмет поставил на отведённое ему место, а этюд водрузил на невысокий шкаф.

Я с интересом стал оглядывать мастерскую. Это была большая комната с большими окнами. Между окнами висел небольшой коричневый шкафчик с резными дверцами. На длинном столе, расположенном посередине мастерской, стояло множество баночек с красками. В глиняном кувшине веером растопырились кисти всевозможных размеров. Огромные папки лежали на другом конце стола. На стенах висели в рамках и без рам картины, на которых я узнавал уже знакомые мне места, окружающие колонию. У меня появилось нестерпимое желание самому взяться за кисти и краски.

Размечтавшись, я чуть не свалил большую коробку с торчачими из неё забавными кукольными головками. Это были совсем не те куклы, в которые играют девчонки. Пока Нольдик разговаривал с Гавгушей, я вытащил одну куклу. К её голове было пришито платье с рукавами. На конце рукавов торчали растопыренные пальцы. «Это же кукольные артисты», — догадался я.

— Что, понравилось? — услышал я за своей спиной голос Гавгуши. — Ребята их сами мастерят.

Гавгуша ещё сказал, что мне, возможно, тоже придётся участвовать в кукольных спектаклях, а что касается рисования, то кроме уроков я могу запросто и в рисовальном кружке заниматься.

Когда мы с Нольдиком собрались уходить, я увидел на кресле ещё одну куклу. Она очень была похожа на кота. Но когда я дотронулся до неё, она вдруг ожила, потянулась и недовольно посмотрела на меня огромными зелёными глазами. Я отдернул руку, а Гавгуша засмеялся и пояснил, что это его любимый кот Стёпа.

В 1921 году С.Т. Шацкий включается в работу научно-методической секции Государственного учёного Совета Наркомпроса РСФСР, которую возглавляла Н.К. Крупская, и принимает активное участие в разработке новых программ для школ первой ступени.

В 1929 году он становится членом коллегии Наркомпроса РСФСР и одновременно руководителем Центральной педагогической лаборатории, занимаясь обобщением опыта существовавших в то время опытных и образцовых школ.

В феврале 1932 года С.Т. Шацкий, имевший превосходное музыкальное образование и огромный опыт педагогической работы в области художественного воспитания, был назначен директором Московской государственной консерватории. На этом посту он внезапно скончался 30 октября 1934 года.

Опыт и педагогические идеи С.Т. Шацкого оказали заметное влияние на развитие советской школы и педагогики.

С.Т. Шацкий провёл глубокий анализ деятельности старой, дореволюционной школы и разработал идеи новой трудовой школы как центра, организующего жизнь детского коллектива. Он рассматривал посильный труд детей как организующее начало детского общества. Шацкий разрабатывал конкретные пути организации совместной работы школы, семьи и общественности по воспитанию детей. Он был одним из первых педагогов, которые создавали систему эстетического воспитания.

Большое место в педагогическом наследии С.Т. Шацкого занимают вопросы дошкольного воспитания, внешкольной общественной работы, педагогического образования.

Вот что писал С.Т. Шацкий о подрастающем поколении: «Если эта молодая, светлая человеческая масса войдёт в жизнь, в её строительную работу с известным умением работать; если она умеет не растрчивать времени зря, если она хорошо грамотна; если эта молодёжь деловая, живая, здоровая, то какой колоссальный вклад она сделает в развитие наших производительных сил».

Воспитанию такого поколения и отдал всю свою жизнь замечательный педагог Станислав Теофилович Шацкий.



## Мы учимся столярничать

В свободное время колонисты всегда могли найти себе занятие по душе. Одни — в мастерской у Гаврилова, другие слесарничали, девочки шитьём занимались. Кому-то работа в библиотеке понравилась. А любители музыки у рояля собирались. Здесь их встретила Юлия Самойловна Обнинская, родственница бывших владельцев села Белкино. Всегда дружелюбная, аккуратная, приятной наружности. Если одни её ученики только постигали гаммы, то другие уже добрались до самого Бетховена, чей портрет висел над роялем. Он прислушивался к исполнению сочинённых им сонат и ласково изрекал: похвально, похвально.

А в столярной мастерской собирались те, кто неравнодушен был к смолянному запаху свежеструганных брусков и досок, кто любил слушать наставления добрейшего Василия Григорьевича Почиталова, пожилого столяра с пушистыми усами.

— Василий Григорьевич, у нас новенькие в группу пришли, вы с ними займитесь, а мы скамейки сами доделаем, — не успев войти в мастерскую, доложили «старенькие».

Новенькие — это Паня Сучкова, скромный Валя Кондрашов из какого-то Величкова и я. «Старички», те уже мебель мастериют — скамейки, табуретки, полочки, шкафчики, они столярной терминологией так и палят:

— Здесь шершеткой пройтись придётся.

— Давай вяжи прямой угол на ус.

Девочки не хуже мальчиков столярничают. Зато и мальчики от девочек не отстают — полы ловко моют и коров доят. Был же такой случай, когда корова Милка вымя повредила. Так Коля Шильников через каждые три часа её раздаивал, чтобы спасти корову.

Василий Григорьевич собрал нас, новичков, чтобы разобратся в наших познаниях столярного дела — умеем ли мы пилить, строгать и гвозди забивать, и когда пользуются рубанком, а когда фуганком. Через несколько уроков Василий Григорьевич увидел, что мы вполне можем быть помощниками «старичков».

Однажды в мастерскую пришёл Шацкий. Он, оказывается, дома делал шкаф. Ему не хватило каких-то деталей. Он и пилил, и строгал, и шипы нарезал так ловко, как будто всю жизнь только и занимался столярным делом. Отложив инструменты, Шацкий подошёл к ребятам, которые трудились над шкафчиком.

— А ведь правда радостно, когда что-то существенное получается, сделанное своими руками, — рассуждал Шацкий, разглядывая шкафчик.

— А как же! — подтвердил кто-то из мальчиков.

— Вам, ребята, только позавидовать можно, — продолжал Шацкий. — Сколько у вас возможностей в колонии, чтобы проявить свои способности. У меня в детстве таких возможностей не было.

Шацкий проговорился, что он пишет воспоминания о годах своего учения в гимназии. Ребята упростили Шацкого прочесть как-нибудь про своё незавидное детство...

Один из уроков Василий Григорьевич предложил нам провести в лесу. Нужно было подобрать подходящие берёзы для изготовления лыж. Поскольку колония со всех сторон была окружена лесом, то идти далеко не пришлось. Решили направиться к Самсоновскому оврагу. Ребята растянулись цепочкой. Я опять очутился около Пани Сучковой.

— Ты знаешь, отчего ветер бывает? — спросила она, когда мы вошли в лес.

— А ты сама сообразить не можешь?

— Представь себе, какой я дурочкой была. Я думала, что ветер от того бывает, что деревья качаются, — рассмеялась Паня.

— Больше ты ничего не надумала? — Паня хотела что-то ответить, но Василий Григорьевич просил всех подтянуться.

Он взглянул на переливающийся всеми красками осенний лес и сказал:

— Красота! Её беречь надо. Вот берёзка лет тридцать прожила, разве можно без разбора такое сокровище уничтожить. Мы вот лучше ту берёзку уберём, которая соседям расти мешает. Вот и ёлочка. Ну чего она тут между берёзками заплуталась. Они же ей расти не дадут. Её и срубить не жалко.

— Всё равно жалко, — заметила Ксюша Трифонова.

Василий Григорьевич похвалил её за чуткое отношение к природе. Мы продолжили поход. Лес то редел, то встречал непролазными зарослями. Сделав ещё несколько зарубок на подходящих берёзках, за которыми потом придут старшие колонисты, мы отправились обратно. А лыжи и я научился делать. И строгать, и распаривать, и на колодках загигать, и полировать... Скорей бы зима наступила, чтобы собственную работу испытать.

## Не только Гаврилов

У Василия Григорьевича Почиталова было два сына — младший Валентин и старший — Василий. Оба жили и учились в колонии. Оба увлекались рисованием. Василий был чудаковатым по характеру и по внешности. Лицо овальное, волосы рыжеватые, походка неторопливая.



— Ему бы клоуном быть, — шутили ребята. А Гавгуша разглядел в нём настоящего художника и возлагал на него большие надежды.

— Поразительное чувство цвета. И откуда у него такая буйная фантазия! — удивлялся Алексей Владимирович.

Василий не обращал внимания на похвалу учителя, присматривался, как Гавгуша рисует, и мог сам рисовать с утра до вечера.

Валентин Почиталов, или, как его звали, Волька, рисовал без особого энтузиазма, а вскоре и вовсе бросил посещать занятия у Гавгуши.

А Гавгуша между тем пестовал ещё одного талантливого юношу, с младых лет попавшего под опеку Шацкого и Валентины Николаевны. Это был Александр Лушин, которого все звали просто Саня. Высокий, стройный, красивый, он был активным помощником Гавгуши в постановках колониальных спектаклей. Саня и сам обладал актёрскими способностями и был отличным партнёром Шацкого в гоголевском «Ревизоре». Шацкий играл роль городничего, а Саня — Хлестакова. И когда Гавгуша распределял работы по оформлению спектакля, он на полном серьёзе говорил:

— Эти штаны для Хлестакова пусть сам Хлестаков и разрисовывает, а городничий собирался сам себя одеть.

И Почиталов, и Лушин недавно покинули колонию и своё призвание совершенствовали в художественных вузах. А летом, как и другие бывшие колонисты, они не могли обойтись без колонии. В по-

гожие дни их часто можно было видеть за мольбертами на эюндах. Любой уголок природы вокруг колонии заслуживал того, чтобы его перенесли на холст.

Мне оставалось только завидовать, наблюдая, как увлечённо творят наши дорогие гости. Тогда я торопился к Гавгуше, чтобы продолжать наши уроки.

Когда я впервые явился к нему в качестве ученика, он, не раздумывая, сказал:

— Давай-ка начнём с натюрморта.

— С чего? — не понял я.

— Вот с этой вазочки, — пояснил Алексей Владимирович, устанавливая вазочку на фоне синей занавески.

Гавгуша подробно объяснял, с чего начинать рисунок, советовал присмотреться, откуда падает свет на вазочку, где она темнее, где светлее, и что такое тень и полутень. А я-то думал, что Гавгуша даст мне масляные краски, чистый, заманчивый холст и начну я сразу творить шедевр.

— Краски от тебя не уйдут, сначала карандашом поработай, — успокаивал Гавгуша.

Зато красками мы на уроках рисования целые панно расписывали. Только не масляными, а анилиновыми.

А однажды Гавгуша принёс целый рулон бумаги. Мы его на полу разложили. А задание было такое — нарисовать орнамент для общей комнаты. Вот уж тут мы расфантазировались! Я чуть ли не на четвереньках вокруг этого орнамента ползал. Мне почему-то сад вспомнился, как я клубнику с девочками обрабатывал. Это, наверное, только в колонии так красоту любят. Недаром летом вся колония в цветах утопает и в каждой комнате букеты стоят. А вот Шацкому не всякий букет нравился. Пришёл он к девочкам в общежитие, увидел цветы в вазе и говорит:

— Это у вас не цветы, а пленники. Вы их в кучу собрали, а красоты никакой. Постарайтесь сделать так, чтобы у вас в комнате кусочек природы был.

Девочки решили, что для создания кусочка природы в комнате, как посоветовал Шацкий, одних букетов недостаточно и выпросили у Гавгуши несколько его пейзажей и развесили над кроватями. **НО**